УДК 343.9

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

В.В. Собольников

Сибирская академия государственной службы. г. Новосибирск
E-mail: sobolnikov@sapa.nsk.su

Для миграционной преступности в Сибирском федеральном округе, как и в целом по России, характерна тенденция к абсолютному и относительному росту. Правовой режим при этом не обеспечивает ее эффективного предупреждения. Актуальность проблемы требует проведения глубокого анализа особенностей проявления данного вида преступности в Сибирском округе, которые проявляются в установлении преступных связей между транснациональной, трансграничной преступностью и этнопреступными группировками и разделе ими сфер влияния. Другой особенностью является повышенная криминальная активность граждан КНР на территории Сибирского федерального округа. Усиление общественной опасности и высоколатентность миграционной преступности, интенсивное распространение коррупции и ряд других тенденций обусловливают необходимость проведения мониторинга и разработки системы предупреждения данного вида преступности.

Глобальный характер миграции определяется тем, что миграционный процесс охватил большинство стран современного мира и оказал значительное влияние на происходящие в них политические, правовые, экономические, демографические и другие процессы. В свою очередь, современная глобализация характеризуется универсализацией политических, правовых и экономических институтов, что накладывает свой отпечаток на миграционные процессы. Будучи полимотивным общественным явлением потребностного характера, миграция благодаря мобильности мигрантов реализуется как в физическом, так и в социальном пространстве. Параметры обозначенных пространств характеризуют миграционный процесс, поскольку в них просматривается успешность/неуспешность адаптации мигранта, степень его удовлетворенности/неудовлетворенности жизнью, что, в сущности, и определяет природу их поведения, в том числе и преступного.

Происходящее в России реформирование привело к глубоким изменениям всех сторон жизнедеятельности государства и общества. Вхождение Российской Федерации в Европейский рынок товаров и услуг, несомненно, усилит миграционные процессы. Анализ динамики современной мигра-

ции за прошлые годы показывает, что если в 1997 г. в России начитывалось 1,2 млн официально зарегистрированных вынужденных мигрантов, то в 2001 г. на постоянное место жительства въехало 190 тыс., из них 108 тыс. из стран СНГ, и общее количество мигрантов, официально проживающих в России, стало 1 млн 800 тыс. человек. Однако за последние три года их число возросло вдвое. По оценкам различных экспертов, в настоящее время, с учетом нелегальной миграции, в России проживает от 7 до 15 млн мигрантов. По сути, миграция становится неотъемлемой характеристикой образа жизни российского общества, органичной частью его экономики. Пребывание мигрантов на территории России оказывает во многом негативное воздействие на сложную криминогенную обстановку и создает реальную угрозу региональной безопасности [1–8].

Сегодня на территории России идет интенсивный процесс образования мест компактного проживания мигрантов, формирования обособленной этноэкономики, с преобладанием в ней криминальной оставляющей. Хронический социально-экономический и демографический кризис в странах исхода исключает добровольный возврат мигрантов на историческую родину.

Анализ миграционных процессов убеждает, что в результате расселения мигрантов на территории России сформировались две составные части миграционного потока, которые могут быть представлены двумя типами диаспор. Первая составная — белорусы, молдаване, украинцы, активно интегрируемые в российское общество. В случае получения гражданства Российской Федерации возможна их бесконфликтная ассимиляция в течение 1–2 поколений. Вторая составная связана с массовым переселением в Россию представителей различных этносов из Китая, Кореи, Вьетнама, республик Средней Азии и Закавказья. Мигрировав, они компактно расселяются, сохраняя при этом этноконфессиональную идентичность, этническую солидарность и тесную связь с метрополией. Для таких сообществ характерны диаспорное сознание, этнокультурные и цивилизационные отличия от населения России, а также высокая рождаемость.

Выявленная рядом исследователей [1, 4, 8] закономерная связь миграции и преступности оказалась в центре внимания ученых и практиков и обусловила необходимость выделения миграционной преступности как самостоятельного вида [8].

В настоящее время в криминологии отсутствует единый подход к определению термина «миграционная преступность». Исходя из изучения научной и юридической литературы в качестве рабочего определения можно предложить следующее: миграционная преступность – это общественно опасное, относительно массовое социально-правовое явление, состоящее из совокупности преступлений, совершаемых мигрантами в сферах: экономики; безопасности жизни граждан; общественной безопасности и общественного порядка; государственной власти; мира и безопасности человечества. Такое понимание позволяет рассматривать миграционную преступность как социально-правовую систему, системообразующим и видовым признаком которой является миграция.

Природа любого социально-правового явления, в том числе и преступлений, совершаемых мигрантами, связана с его общественной ролью, причинами возникновения и установления взаимосвязи с другими социальными явлениями. Очевидно, что постоянно развивающиеся и изменяющиеся общественные отношения составляют определенную совокупность причин, оказывающих влияние на миграционную преступность. Закономерно возникающие связи миграционной преступности с российской организованной преступностью, коррумпированными чиновниками и другими криминальными слоями общества выступают основой появления новых элементов в структуре и содержании данного социально-правового явления. С приобретением собственных характеристик миграционная преступность активно проявляется вовне, трансформируя многие другие социально-правовые явления.

В основе миграционной преступности лежит стремление мигрантов к достижению целей, сформированных особым социальным интересом, ценностями и ценностными ориентациями (стремлением к захвату материальных и других благ и т.д.). Наличие же возможности их перемещения сохраняет устойчивость сложившегося феномена и, по сути, становится системообразующим признаком миграционной преступности, который в совокупности с другими элементами этой структуры значительно усиливает ее общественную опасность и предопределяет сложности ее предупреждения.

Рассмотрение миграционной преступности как особого вида преступности позволяет обнаружить определяющую роль в этом процессе национальных диаспор, члены которых могут быть вовлечены и использованы в различных, в том числе и преступных, целях. При этом настораживает отмечаемое правоохранительными органами усиление криминальной деятельности сильных и склонных к агрессии этноорганизованных преступных группировок. В определенной степени подтверждением изложенного может выступить тот факт, что около 50 % всей приобретаемой в российских банках наличной валюты востребовано по документам иностранных граждан – только за 2001 г. подобным образом было получено около 8 млрд долларов США [8. С. 139].

Одновременно фиксируется проникновение на территорию России транснациональных преступных сообществ. Все активнее этноорганизованные преступные группировки принимают участие в разделе территории на сферы влияния. В этой связи, по мнению экспертов Англии и США, можно говорить об использовании террористическими

организациями миграционных каналов, а также о формировании особой «организованной миграционной преступности», ежегодный доход которой достигает 12 млрд долларов США [8. С. 116].

В результате глобальной криминализации кардинально меняется характер преступности мигрантов – ширится масштаб деятельности, растет численность, проявляются региональные особенности распространения и интенсивности. Специфика сфер преступных интересов, высокая активность и латентность мигрантов, совершающих преступления, обусловлены уровнем организованности, материально-технического и финансового обеспечения, транснациональным характером их деятельности.

Вышесказанное позволяет утверждать, что наиболее важной тенденцией миграционной преступности является интенсивное усиление ее общественной опасности. В качестве субъекта преступления выступает мигрант, мотивированный на разрешение ситуации криминальными способами и средствами. При этом движущей силой становится не бедность, а возможность захвата крупных и доходных сфер в экономике, в том числе и «теневой». Очевидно, малодоходная трудовая миграция быстро исчерпывая свои возможности и предлагая стабильно низкий уровень существования, формирует у этноорганизованных преступных сообществ и определенной части этнических диаспор постоянно прогрессирующие экономический, политический и иные стимулы к активизации криминальной деятельности. Происходит дальнейший процесс криминализации диаспор, установление устойчивых преступных связей, а в отдельных случаях и слияние с транснациональной, российской, трансграничной преступностью, что обеспечивает их количественный и качественный рост и закрепление в стране пребывания.

На протяжении последних 10–15 лет наблюдается устойчивый рост миграционной преступности. По данным МВД России, доля преступлений, совершенных только иностранцами и лицами без гражданства, в общем числе раскрытых преступлений выросла с 0,7 % в 1992 г. до 1,6 % 2000 г. и 13,6 % 2003 г. При этом экспертами и учеными отмечается высоколатентность данного вида преступности (незаявленная, неучтенная, неустановленная). Удельный вес традиционно выделяемых преступлений (убийство, грабеж, разбой, вымогательство, изнасилование), совершенных мигрантами, составляет 11 % всей миграционной преступности [8. С. 109].

В то же время наибольшая криминальная активность этнопреступных формирований проявляется в тех сферах, где востребованными являются профессиональные криминальные умения (контрабанда, сфера высоких технологий, незаконный оборот наркотиков, оружия и т.д.). При этом ни государственные границы, ни, тем более, административные не являются для них непреодолимой проблемой. Так, подготовку к совершению преступления они могут осуществлять на территории одной страны, а покушение или реализацию — на территории другой. Высокий профессионализм, организованность, технико-информационная оснащенность и ряд других причин становятся серьезным препятствием на пути раскрытия преступлений, установления личности преступника, его задержания. Латентность миграционной преступности оценивается экспертами в соотношении 1 : 5 и 1 : 7, т. е. на одно зарегистрированное 5–7 (и более) реально совершенных, но не раскрытых, не учтенных, не заявленных преступлений.

Все эти факты позволяют говорить о формировании тенденции развития и усиления структур организованной миграционной преступности. Очевидно, что любому государству в своей внутренней и внешней политике и мировому сообществу в целом следует учитывать данное обстоятельство. Снижение степени суверенности большинства стран по мере усиления наднациональных образований и супердержав, несомненно, приведет к усилению обозначенной тенденции. Следовательно, в условиях глобализирующегося мира настоятельно требуется разработка и внедрение системы эффективных мер предупреждения миграционной преступности на межгосударственном, федеральном и региональном уровнях.

Важным фактором, стимулирующим рост миграционной преступности, является усиливающаяся криминализация и коррупция политической, экономической и властной элиты. Криминальная миграция, используя коррунтеров, занимающих высокое социальное положение в различных сферах – кредитно-денежных отношений и банковской деятельности; рынка ценных бумаг; внешнеэкономической деятельности; потребительского рынка; приватизации государственного и муниципального имущества; налогообложения и т.д., в целях совершения преступлений прибегает к легальным экономическим и социальным институтам, институциональной среде легальной деятельности, финансовым инструментам. По данным экспертов, общая оценка суммы, выплачиваемой ежегодно предпринимателями (в том числе и мигрантами) чиновникам, составляет более 33 млрд долларов [3. С. 21–22]. Многочисленные попытки борьбы с коррупцией не дают устойчивого положительного результата. Более того, будучи одной из основных тенденций миграционной преступности, она, по мнению экспертов, может усиливаться.

Перечисленные выше тенденции свидетельствуют о становлении миграционной преступности в качестве фактора, оказывающего глобальное влияние на безопасность, с которым приходится считаться любому государству. Очевидно, что и в России существует реальная угроза государственной безопасности, исходящая от данного вида преступности.

Сибирский федеральный округ является одним из наиболее сложных суперрегионов России, в котором тенденции миграционной преступности на-

ходят свое отчетливое проявление. Миграционная ситуация характеризуется интенсивностью потоков мигрантов, что обусловлено «прозрачностью» российско-казахстанской границы, недостаточно эффективной защитой государственной границы с Китаем и Монголией [7, 9].

В 2002 г. на территории Сибирского федерального округа (СФО) органами МВД выдано разрешение более 500 организациям на привлечение иностранной рабочей силы, что свидетельствует о доступности проникновения и последующей легализации мигрантов на территории России. Свыше 15 тыс. иностранцев получили подтверждение на право трудовой деятельности. Однако реальное количество иностранной рабочей силы, по мнению экспертов, исчисляется в 3–7 раз больше и насчитывает до 100 тыс. человек. Особое внимание заслуживает деятельность более 2000 совместных предприятий, из которых 55 % — с участием китайского капитала. По итогам первого полугодия 2004 г. в федеральном округе было зарегистрировано 175920 иностранцев. При этом к административной ответственности привлечено только в 2003 г. 212525 иностранных граждан и лиц без гражданства (в том числе 204181 человек за нарушение правил регистрации и учета). На 5,5 тыс. человек вынесено заключение на выдворение, около 5 тыс. иностранцев за нарушение правил пребывания выдворено из России. За первое полугодие 2004 г. иностранцами и лицами без гражданства на территории округа совершено 1542 преступления, что на 19,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года.

Значительное увеличение показателей роста миграционной преступности в СФО обусловлено специфичностью округа (географическая характеристика, народонаселение и т.д.). Анализ миграционной преступности на территории СФО позволяет выделить некоторые особенности:

а) криминальная активность мигрантов чаще всего связана с такими преступлениями, как перевозка и сбыт наркотических веществ (28,5 %); контрабанда (7,2 %); подделка документов и их использование (15,6 %); кража чужого имущества (33,4 %); грабежи (12,4 %); посягательство на личность и хулиганство (9,2 %);

б) пространственная распространенность миграционной преступности в СФО обладает своеобразием и позволяет определить территорию их противозаконной деятельности. В частности:
   - транснациональная преступность, осуществляющая преступную деятельность с территории стран Средней Азии, Закавказья, Китая, Монголии и Афганистана;
   - трансграничная преступность, обеспечивающая контрабандные и иные каналы проникновения через границу;
   - этнопреступные сообщества, осуществляющие противоправную деятельность на территории России, преследующие корыстные цели (контрабанда, неконтролируемый вывоз из России валютных средств, драгметаллов и т.д.);

в) повышенная криминальная активность граждан Китая, которая проявляется в:
   - систематическом пересечении российско-китайской границы в безвизовом порядке либо по визам, оформленным на основании недействительных документов с последующим переходом на нелегальное положение;
   - создании ими на территории СФО различного рода коммерческих структур, специализирующихся на извлечении незаконной прибыли, использовании несуществующих российских фирм и т.д.;
   - нелегальном вывозе капитала за рубеж и, как следствие, непоступлении значительных финансовых средств в бюджеты федерального и регионального уровней;
   - наличии устойчивого канала миграции в Россию граждан КНР — уйгуров из Синцзян-Уйгурского автономного района через территорию государств Средней Азии.

Активные криминогенные процессы, происходящие в мире, в свое время привели к тому, что транснациональная преступность стала реальностью. В частности, в Сибирском суперрегионе начиная с 80-х годов прошлого столетия зафиксирована деятельность одной из азиатских групп организованного транснационального преступного сообщества «Триады» — «Голубой Лотос». Проявление фактов их противоправной деятельности имело место во многих городах Сибири. В настоящее время, по мнению экспертов, китайские триады контролируют деятельность около 8...10 тыс. китайских предпринимателей, работающих на территории СФО, ими же создано и успешно функционирует несколько подпольных китайских банков, которые обеспечивают китайским предпринимателям вывоз капитала за границу в обход таможенных и налоговых органов. Ежемесячный оборот таких банков составляет более 500 тыс. долларов США. Эксперты также утверждают о предполагаемом значительном увеличении китайского криминала в Сибири в ближайшие годы. Подтверждением этого также является установление китайской криминальной миграционной структурой контактов с этнической и российской преступностью с целью раздела сфер влияния.

Одновременно достаточно активно проявляют себя и другие этнопреступные группировки. Только за 2003 г. на территории СФО зарегистрировано 237 преступлений, совершенных преступными группами, сформированными по этническому признаку, что на 13 % выше показателя предыдущего года. Например, только на территории Омской области зафиксирована деятельность 28 этнопреступных формирований (6 чеченских; 6 азер-

байджанских; 4 цыганских; 3 армянских; 3 казахских; 2 таджикистанских; 1 киргизской; 1 дагестанской; 1 грузинской; 1 курдской). Подобная ситуация имеет место и в других субъектах СФО. Наиболее активное влияние на преступность оказывают азербайджанские, грузинские, армянские и таджикские этнические преступные сообщества.

Анализируя деятельность организованных преступных групп, сформировавшихся по этническому признаку на территории СФО, следует отметить увеличение их криминальной активности. Так, преступная деятельность граждан Китая возросла на 45 % (проституция, нелегальный вывоз цветных металлов, древесины и т.д.); Кореи — на 18 % (проституция, нелегальный вывоз цветных металлов, древесины и т.д.); Турции — на 4 % (проституция, нелегальный вывоз представителей фауны и т.д.); Таджикистана — на 13 % (наркобизнес); Азербайджана — на 8 % (наркобизнес); Казахстана — на 34 % (наркобизнес, вымогательство, реализация похищенного автотранспорта и т.д.); Армении — на 7 % (фальсификация алкогольной продукции и табачных изделий, медикаментов и т.д.); Грузии — на 1,5 % (мошенничество, кражи и т.д.).

Как уже отмечалось, в настоящее время идет процесс консолидации этнических преступных групп с российскими региональными преступными группировками. Интернациональная кооперация преступности обусловила большее распространение в СФО таких специфических преступлений, как контрабанда наркотиков, боеприпасов и оружия (атомного, химического, биологического и высокоточного), торговля малолетними детьми, вовлечение в проституцию женщин и детей по вывозе их за границу, распространение порнографии, кража и вывоз за рубеж исторических и культурных ценностей, терроризм и т.д.

Обозначенные тенденции миграционной преступности с неизбежностью подводят к выводу о том, что целесообразно разработать систему мониторинга этой проблемы на территории СФО и России в целом. Объектами проводимого мониторинга могут стать состояние миграционной преступности, организация деятельности правоохранительных органов по ее предупреждению, нормативно-правовая основа реализации.

Стратегическое решение поставленных проблем следует считать базовым условием для практического осуществления системы предупреждения миграционной преступности. Мониторинг с точки зрения рассмотренных проблем должен представлять собой систему постоянного отслеживания процесса пребывания мигрантов на территории России и практики применения законодательства и деятельности правоохранительных органов по установленным параметрам [5, 6].

Целью мониторинга должно стать получение своевременной и полной оперативной информации для комплексного и системного анализа миграционной преступности и системы ее предупреждения, оценки эффективности функционирования нормативно-правовой основы деятельности правоохранительных структур, выработки предложений по ее совершенствованию. Концентрация информации в едином информационном массиве на федеральном и окружном уровне, очевидно, расширит возможности ее практического использования во всех аспектах деятельности правоохранительных органов.

Кроме того, в целях локализации выявленных угроз государственной безопасности, создания эффективного механизма предупреждения миграционной преступности необходимо проведение дальнейших научных исследований, связанных с изучением причинного комплекса и условий формирования миграционной преступности, разработкой системы ее предупреждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года / Пер. с англ. М. Леоновича; под ред. К. Жвакина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2002. – 120 с.
2. Евланова О.А. Взаимосвязь миграционных процессов и организованная преступность / О.А. Евланова // Организованная преступность, миграция, политика. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. – С. 30–44.
3. Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. – 576 с.
4. Кашуба Ю.А. О связи незаконной миграции с организованной преступностью / Ю.А. Кашуба // Преступность в разных ее проявлениях и организованная преступность. — М.: ИВЦ «Маркетинг», 2004. – С. 12–21.
5. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юристъ, 2003. – 352 с.
6. Самарин В.И. Интерпол. Международная организация уголовной полиции / В.Н. Кудрявцев. – СПб.: Питер, 2004. – 202 с.
7. Собольников В.В. Юридический механизм управления миграционными процессами в России / В.В. Собольников. – Новосибирск: СибАГС, 2001. – 115 с.
8. Собольников В.В. Миграционная преступность: криминологический анализ и предупреждение / В.В. Собольников. – Новосибирск: Наука, 2004. – 278 с.